

Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО

*Православные
духовно-нравственные идеалы
и традиции –
опора российского общества
и государственности*

Материалы XXIV Духовно-исторических чтений
памяти святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия

*700-летию
Преподобного Сергия Радонежского
посвящается*

Томск
2015

АВТОР И ГЕРОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ О. НИКОЛАЕВОЙ

Нургалиева А.Ф.

Томский государственный университет

А.Н. Веселовский отмечал, что для понимания авторского замысла художественного произведения нужно знать, какое именно предание является для него источником. Произведения О. Николаевой прочитываются в контексте Священного Писания и Священного Предания, т.е. в контексте Откровения Божиего, данного Евангелием и церковным опытом (опытом Святых Отцов). Если говорить языком научным, произведения О. Николаевой прочитываются в контексте христианской антропологии. Встраиваясь в традицию русской словесности, автор продолжает идею, намеченную еще в «Слове о Законе и Благодати» митрополитом Иларионом, идею о «двух возможных способах ментальной ориентации: самоутверждении в земной жизни и духовном спасении» [1. С. 32]. Читатель ее произведений становится свидетелем пути «внутреннего человека», свидетелем пробуждения героя к внутренней жизни.

Практически все герои современной поэтессы и прозаика О. Николаевой имеют прототипов. Автор знакомит читателя с людьми, которые являются частью окружающего её мира. Интерес автора к ним как к личностям, созданным по образу Божию, приоткрывает присутствие Промысла – замысла Творца о каждом человеке. «Я понимаю, это может быть сочтено нескромным, – пишет О. Николаева, – более того – дерзновенным и даже прелестным, с ударением на первом слоге, то есть в церковном смысле этого слова: вот так и рассказывать чудесные истории, которые произошли с тобой или твоими близкими <...> Я знаю многих замечательных людей, ведущих духовную жизнь, и они остерегаются говорить о чудесах, которые случались в их жизни, считая это предметом очень личным, очень сокровенным <...> И тем не менее, взвесив все «за» и «против», я иду на риск, ибо всякие истории, свидетельствующие о действии Промысла в мире и душе человека, о милости нашего Спасителя и Бога, о том, что «творит Бог елико хочет» и тогда «превышается естества чин», – утешительны, радостны, духоподъемны» [2. С. 3].

Чудо лежит в основе большинства произведений О. Николаевой. Все повествование выстраивается вокруг чудесной, душевной перемены героя. Его путь, по словам автора, раскрывается как «выполнение задания первообраза». «Путь чудесный – это путь, осененный Благодатью, Божиим Промыслом. Путь, который осуществляется,

благодаря "связи с Творцом"» [2. С. 3]. Чтобы раскрыть не чувственный, а теоретический образ «чуда», О. Николаева обращается к размышлениям известного философа А.Ф. Лосева. Он пишет: «В чуде встречаются два личностных плана: 1) *личность* сама по себе <...> личность как идея, как принцип, как смысл всего становления, как неизменное правило, по которому *равняется* реальное протекание, и 2) самая *история этой личности*, реальное ее протекание и становление, *алогичное* становление...». Эти два плана отождествляются в некоем неделимом образе, когда «личность <...> вдруг хотя бы на минуту выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и идеальным первообразом. Это и есть настоящее место для чуда. Чудо – диалектический синтез двух планов личности, когда она целиком и насквозь выполняет на себе лежащее в глубине ее исторического развития задание *первообраза*». ***Пропросту говоря, это есть совпадение замысла Божьего о человеке, сотворенном по подобию Божьему (модус творчества) с Промыслом Божьим, осуществляемым во времени (модус судьбы)***» [2. С. 3]. «Таким образом, – пишет О. Николаева, – вся жизнь верующего человека претворяется в развернутое непрестанное чудо, в чтение удивительных словес, где ему, конечно, понятно далеко не все, а только отчасти, чуть-чуть, едва-едва» [2. С. 3].

Чтобы приблизиться к своему первообразу, герой О. Николаевой проходит через покаяние. Подобный сюжет встречается в «Слове о полку Игореве». Например, так же, как князь Игорь отказывается от гордыни, Александр Берг, герой романа «Меценат» О. Николаевой, возвращается в храм, который мерцает в его сознании детскими воспоминаниями. Путь героев обретает смысл вопреки «бесславному походу», по выражению А.И. Есаулова, вопреки бесславному меценатству. Можно «говорить об обретении в финале не только *земной* родины – Русской земли, но и родины небесной» [3. С. 6]. Как в «Слове...», герой в «Меценате» обретает историю семьи и возможность нового пути.

В сборнике рассказов «Небесный огонь» О. Николаева так же описывает фрагменты из жизни героев на пути к целостности, на пути к тождественности героя не «другому», не «маске», а «самому себе», тождественности образу Бога в человеке, когда «автор прикасается к ядру ЛИЧНОСТИ, к Лику» [3. С. 6]. Часто автор сам становится здесь главным действующим лицом, например, для того, чтобы засвидетельствовать вразумление. Так, она пишет: «"Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на

себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете ПОКОИ душам вашим". Слово «покой» ударило мне в сердце и... наполнило его покоем. Слышанное мною много раз вдруг претворилось в живое слово, слово бытийное, несущее в себе реальность, слово исцеляющее, слово, обращенное лично ко мне. Забыть это или оставить втуне мне кажется актом неблагодарности. "Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя!" [2. С. 5].

Каждый шаг, каждое событие рассматриваются автором в контексте внутренней жизни не как случайность, а как то, за что человек несет ответственность. В произведениях писательницы поднимаются различные темы, в том числе и такие, как «Православие и творчество. Ну, Бердяев писал, что смирение и творчество, как гений и злодейство, – две вещи несовместные. Да и меня в творчестве с духовной точки зрения настораживало то, что сам этот процесс (хорошо, назовем все своими именами: вдохновение) полностью поглощает человека: когда я пишу стихи, я практически перестаю замечать мир. Я, в буквальном смысле, "не наблюдаю часов"» [2. С. 53].

Понятие «поступок» в данном сборнике – особая мера состояния души героев. Герой задаёт себе вопросы, понимая ответственность выбора. Ср.: «Наконец я приступила к владыке со своими проблемами: ни много ни мало. – Но как же тогда быть с добродетелью трезвения? Стояния на страже своих страстей? Мало того, я чувствую в себе энергию и силы, не объяснимые моим собственным физическим естеством, в этом состоянии я могу работать ночи напролет. Но как же быть с различением духов, как понять, не лукавый ли меня подбадривает? <...> Но все же – может, это и не «творящая душа», а «навет вражий»? Может, вообще я в какой-нибудь прелести, не приведи Бог? И, может, пока как поэт я блаженствую, как христианка я погибаю?». То есть природа творчества – одна из тем для автора важных, актуальных – открывается в новом контексте с позиции писателя. Ср.: «Как стремлюсь подключить свое православное сознание, – как зову его в цензоры, как стремлюсь «закрестить» все темные углы и подвалы, души, как подчас выворачиваю стихотворение к концу так, чтобы оно увенчивалось чем-нибудь благочестивым и проверенным, духовно надежным: либо евангельской аллюзией, либо скрытой цитатой из святых отцов, либо просто нравоучением. Но стихотворение от этих вмешательств перекашивается, заваливается, как человек, которому связали ноги, теряет жизнь...». Ответственность за слово – вопрос, который встаёт с особой остротой для писателя-христианина, находит здесь свое решение. Священное Писание вплетается в текст как ответ на вопросы.

«И тут владыка остановил меня и сказал строго, почти грозно:

– Не смейте этого делать! Вы же все портите! Это я говорю не вообще, а лично вам. Вспомните, в Евангелии есть притча о злаках и плевелах. Человек посеял на поле доброе семя, но пришел враг и насадил между пшеницей плевелы. Когда же рабы предложили господину выдергать плевелы, что он ответил им? Он ответил им: «Нет, чтобы выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы». <...> Так сказал мне митрополит Антоний, чтобы я поняла: там, где есть дух Православия, всегда дышит свобода. Но там, где свобода, всегда есть риск» [2. С. 53].

Итак, видим, что через героя священнослужителя, среди которых оказываются архимандрит Серафим (Тяпочкин), архимандрит Андриан, монах Леонид, о. Серафим (Роуз), Антоний Сурожский, архимандрит Кирилл (Павлов) и др., в текст входит христианское учение, которому соответствует часто определённое пространство встречи, например, монастырь. И в сборнике «Небесный огонь», и в романе «Меценат» монастырь – особый мир. Разницу между пространствами можно понять по ритму описания происходящего, по смене тематики. От суеты к тишине, от описания внешних обстоятельств – к «внутреннему человеку».

Героями рассказов О. Николаевой являются так же и святые: Ксения Блаженная, св. мученик Трифон, прп. Сергей Радонежский, Николай Угодник и т.д. Автор во всех своих произведениях подчеркивает, что герой свободен совершать или не совершать поступок, когда у него есть представление о его возможной значимости по отношению к истине. У читателя создается впечатление, что герои не зависят от авторской воли. Для большей ясности приведу слова священника Павла Флоренского. Он говорит: «Художник не сочиняет ИЗ СЕБЯ образа, но лишь снимает покровы с уже, и притом премирно, сущего образа: не накладывает краски на холст, а как бы расчищает посторонние налеты его, «записи» духовной реальности. И в этой своей деятельности, как открывающей вид на безусловное, он сам в своем искусстве БЕЗУСЛОВЕН: человек безусловен в своей деятельности» [4]. То есть у читателя складывается впечатление, что герой поступает по Божиему промыслу, а не по замыслу автора-творца.

Рассказчик в большинстве произведений почти не действует – он видит, наблюдает, свидетельствует. В его «ценностном контексте», по выражению М.М. Бахтина, фрагменты жизни героев обретают внутреннее единство. В романе, как и в некоторых рассказах О. Николаевой, слышатся «срывы голоса» автора на иронию – по отношению к герою неведающему. Но эта ирония, по М.М. Бахтину, утверждаю-

щая. Практически все произведения О. Николаевой завершаются открытым финалом. Автор тем самым подтверждает, что он не владеет судьбой героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе (к постановке проблемы) // Проблемы исторической поэтики: Сб. науч. тр. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1994. – Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – С. 32.

2. Николаева О.А. «Небесный огонь» и другие рассказы. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – С. 3, 5, 53.

3. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – М.: «Кругъ», 2004. – С. 6.

4. Николаева О.А. Современная культура и православие. – М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikolaeva/culture/contents.html>